

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. Я. МАРР

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАИМК

ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. Я. МАРР

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ
ЯФЕТИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАИМК

1933

ПЕЧАТАЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ РЕДАКЦИОННОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ
С. Н. Быковского, акад. И. И. Мещанинова, акад. С. Ф. Ольденбурга

НАСТОЯЩИЙ ТОМ ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ
В. Б. Аптекарем

Ответственный редактор *С. Н. Быковский*. Технический редактор *Г. Г. Гильо*
Рисунок для переплета, титула и контртитула работы *В. Д. Двораковского*
Форзац автолитография *Е. Г. Дорфман*. Супер.-обложка по макету *Г. Г. Гильо*

Отпечатано в количестве 5 тыс. экземпляров в типографии Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия № 12

Зак. № 746. Ленгорлит. № 1488. Бумага: формат 72 x 110, листов 27½. Тип. знаков в листе 54600

Переплетные работы выполнены артелью „Новая Книга“
Ленинград, Гостиный Двор, № 34

Кавказоведение и абхазский язык¹

I. Этнографический и археологический интерес Абхазии. II. Абхазский язык, работа над ним и сотрудничество абхазов. III. Ненормальные условия развития кавказоведения в запоздалое введение абхазского языка. IV. Яфетическая теория и абхазский язык. V. Роль пятиъменных языков в количественном соотношении представителей спирантной и сибилянтной ветвей яфетических языков. Аварский язык, албано-аланский вопрос и абхазский язык. VI. Этапы развития яфетической теории, приведшие к изучению абхазского, и толчок от абхазского. VII. Абхазы-миреходы. VIII. Абхазы и кавказское сказание о Прометееве. IX. Помощь абхазского в изучении мертвых яфетических языков. X. Очередная программная работа по яфетическому языкознанию.

I

Как с изучением языка и литературы древних народов с национальной письменностью в настоящее время неразрывно связана археология, так с изучением языка и литературы древних народов без письменности рука об руку должно идти исследование этнографии, в частности и прежде всего исследование литературы и культа. Я вовсе не обмолвился, упомянув о литературе бесписьменных народов. Литература не только бывает у народов без письменности, но часто она является более надежным и богатым источником для изучения языка, этой души народа, чем обширная искусственная литература с письменностью, обыкновенно состоящая из сплошных переводных памятников и в большинстве, если не исключительно, подражательных к ним сочинений. Правда, древние письменные литературы кавказских народов с одной стороны создали общественные ценности, общие литературные языки, еще с V века по р. Х. Они сохранили в себе отложения прошлой жизни. В них мы находим драгоценный источник, например, для истории христианской церкви не только местной, но и общей. Без помощи древнеармянской и древнегрузинской литературы теперь не может обойтись ни один самостоятельно работающий по источникам историк древнехристианской церкви: эти народы в своих переводах сохранили исчезнувшие оригинальные памятники христианской религии громадной важности.

Но и устная литература носит в себе все качества создательницы общего языка. В частности в абхазской устной литературе и сейчас, когда работа только что начата собиранием ее памятников, мы находим, очевидно, давно сложившийся общий во многих отношениях литературный язык; что же касается содержания, то оно отражает древнейшую религию кавказских коренных народов, астральный культ с поразительной жизненностью. Вообще абхазская живая старина, не только словесная, но и реальная, дает такую беспримерную полноту об этой древнейшей религии не одного Кавказа, а всего древнего Востока, колыбели европейской

¹ [Напечатано в ЖМНП, 1916 г., № 5, май, стр. 1—27]. «Общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа» обратилось ко мне с просьбой сделать сообщение о моих исследованиях в Абхазии. Предложение это я получил на месте в последнюю рождественскую поездку (1915—1916) в Гудауте, где в это время я был занят проверкой материалов по бытскому наречию, очередной работой в скромных моих начинаниях в области изучения языка древнейших обитателей этого благодатного края, егоaborигенов.

Набросанное в пути под свежим впечатлением девственных материалов живой речи, глубже ставшей открываться, сообщение обратилось в лекцию и дало повод коснуться ряда общих вопросов по кавказоведению, освещение которых с яфетиологической точки зрения может представить интерес и для более широкого круга лиц.

цивилизации, что одно это обстоятельство должно было бы обеспечить за абхазоведением самостоятельное существование в ряде исторических научных дисциплин, входящих в состав кавказоведения. Источником наиболее значительным по этому древнему культу из живых народов и племен Кавказа являются соседи абхазов. Мингрэлы и сваны, да еще на Востоке грузинское племя — хевсуры. У остальных кавказских народов и племен этот культ где-либо сохранился в ничтожных переживаниях, или совершенно исчез под влиянием национальной церкви, а где — денационализирующей на Кавказе мусульманской религии. Но пальма первенства по полноте сохранности этого архаичного культа принадлежит все-таки абхазам.

Абхазский народ заслуживает, однако, самого серьезного внимания и историка христианской культуры на Кавказе. Абхазский народ в лице его передовых слоев, преимущественно знати, был долгое время, веками, сподвижникомносителей христианского света и его проповедников в соседних странах. Языческим племенам христианизованная часть абхазского народа могла нести евангельское учение, а христианским народам с восточнохристианской культурой — греческое просвещение. С этой точки зрения требует пересмотра и намечавшееся мною освещение личности абхаза Иоанна, «весыма близкого человека и стойкого единомышленника греческого Философа Иоанна Итала». Пересмотр требуется в сторону прямого этнического толкования термина «абхаз» (а не культурно-исторического взамен «грузин») в устах И. Итала, называющего именно абхаза Иоанна *ученейшим*. Мы раньше как будто старались, наоборот, замести след значения абхазского народа, как проводника византийско-христианских начал в кавказский мир, использовав и это еголь ясное упоминание в пользу грузинского народа.¹ Родной край абхазского народа представляет археологический интерес для исследователя не только христианского искусства, но и памятников значительно более древних эпох. Греческие колонии и взаимодействия античной и греческой культуры и местной и восточной, а не только влияние греков на абхазов, представляют первостепенный интерес. Наступает эпоха, когда одностороннее исключение всегда и во всем греческого влияния должно найти поправку в выяснении того, как относились греки к верованиям Востока: сохраняя по именам своих богов и богинь, не наделяли ли их чертами, а в культ не вносили ли особенностей, местное восточное происхождение которых в принципе уже не оспаривается?

Великая торговля с толмачами на десятках языков в абхазском городе привлекала, надо думать, всякого типа искателем наживы, но, с востока или запада, отовсюду они приходили из культурных стран, и происходил обмен не только товаров, но и идей.

Археологические разыскания в крае по этому вопросу могли бы многое осветить, но для этого требуются большие раскопки и большие средства, а главное — кадр специально подготовленных ученых. Между тем не только зарытые в земле древности, но и доступные изучению памятники на поверхности земли мало, я бы сказал, нисколько не исследованы, т. е. не исследованы, как того требует современное понимание научного дела. Не изучены специалистами даже

¹ Н. Марр, Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—XII вв. (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества, т. XIX, 1909), стр. 108—109 = отд. отт., стр. 56—57.

христианские памятники, более многочисленные. Единствен ач научная работа это маленький этюд в несколько страниц, принадлежащий проф. Д. В. Айналову. Он посвящен обломкам алтарной преграды, найденным в имении г. Воронова в Цебельде и ныне находящимся в Москве. На них весьма интересная резьба, рельефы спас из святого писания, которые графиня Уварова предполагала отнести к XII—XIII векам, но проф. Айналов вполне основательно определил их значительно более древнее время: его смутили некоторые подробности, не та он готов был отнести их к VI веку, однако, не признав их столь древними, он выяснил, что они во всяком случае не могли появиться позднее IX века. В числе рельефов есть один, представляющий жертвоприношение Исаака: Авраам приносит в жертву сына Исаака, а по близости находится жертвенный баран. Но баран не стоит, запутавшись рогами в ветвях деревьев или захваченный ими, а повис на дереве рогами. Такое изображение не согласуется с ходячим текстом св. писания и не имеет аналогии ни с одним из известных многочисленных древнехристианских и вообще христианских скульптурных или иных изображений той же самой ветхозаветной сцены.¹ Между тем с такой именно подробностью («баран повис рогами на дереве») находим скульптурное изображение жертвоприношения Авраама на Дворцовой церкви в городе Ани. Армянский рельеф также определяется временем не позднее IX века, но он может быть, если не считаться с моей гипотезой о перестройке, и произведением VI века,² так как Дворцовая церковь построена была в этом столетии. Способная смутить исследователей византийских и вообще западных древностей подробность, именно висящий рогами на дереве баран, объясняется тем, что вопреки греческому тексту Ветхого Завета в древнейших восточных версиях, именно в армянском и грузинском переводах, рассказывается, что «баран висел на дереве рогами». Следовательно, указанная подробность в рельефе художником была внесена не по недоразумению, а в согласии с св. писанием по восточной версии. В Армении такая версия св. писания существовала с начала насаждения христианства, так как в ней христианство насаждали не греки, а сирийцы. В Абхазии, наоборот, такая версия появилась лишь по вытеснении греческой церковности грузинской, что до IX—X века не имело места. Следовательно, скульптурная работа на обломках алтарной ограды абхазской церкви ни в каком случае не может быть древнее IX века.³

Я нарочно остановился на этой подробности, чтобы показать, во-первых, как трудно даже специалистам определять памятники христианского искусства на Кавказе, без знакомства с историей древней кавказской христианской культуры, а также, во-вторых, как даже в таких мелочах научное решение вопроса должно быть построено с общекавказской культурно-исторической перспективой, тесно связывающей страны Армении на юге до, по крайней мере, Абхазии на севере.

¹ Любопытно, что единственный западноевропейский рельеф с такой же разработкой сюжета находим в одном исключительно редком памятнике галльской христианской церкви. Подробнее по вопросу см. Н. Марр, Описание Дворцовой церкви в Ани (Анийские древности, I), стр. 9, прим. 3, 28, 34.

² Н. Марр, ц. с., стр. 1.

³ См. Н. Марр, ц. с., стр. 34 сл.

Ясно, что абхазский народ, не только имевший общение с просвещенными народами в продолжение многих веков, но и творчески принимавший участие в древности в развитии общекавказской христианской культуры, как народ с историей, заслуживает внимания историка Кавказа, тем более археолога.

II

Однако мое внимание было приковано в настоящую поездку, как и в предыдущие, только к одному предмету — живой абхазской речи. И хотелось бы мне выяснить, насколько это возможно, основательность этого исключительного интереса к абхазскому языку.

Ознакомление с чисто технической стороной работы я изъемлю из сообщения. Как ведется работа, какие трудности представляет для записи язык без письменности, какое облегчение или, наоборот, помеху приходилось встречать в наличных записях или предшественников моих по записи живых абхазских текстов в научных целях, или работников по изложению на абхазском языке переводных или оригинальных произведений, т. е. предшественников по записи в литературных и вообще просветительных целях, когда тексты предназначаются для чтения знающих абхазский язык и т. д. Все эти и иные еще подробности могли бы представить интерес в тесном кругу интересующихся абхазским языком или лингвистов, занимающихся диалектологическими изысканиями по бесписьменным языкам.

Еще менее, думаю, было бы уместно входить в лингвистические подробности работы, излагать хотя бы в общих чертах выясняющийся грамматический строй абхазской речи или останавливаться на ее синтаксисе, имеющем основное значение для правильного понимания абхазского языка, в котором синтаксис играет роль морфологии, т. е. строем речи, той или иной в ней расстановкой слов, выражается то, что в других языках выражают формы самих слов, падежные окончания. Не приходится останавливаться, например, и на союзах и наречиях, самой труднейшей для восприятия европейца части речи в абхазском языке. Достаточно сказать, что настоящих союзов по происхождению или составу своему, похожих на наши союзы, в абхазском предложении не видать; они присоединены неотделимо к словам или, что еще затруднительнее уловить, помещены внутрь самих слов; правда, обыкновенно оказывается, что это не одно слово, а целый комплекс их, сопредельных вокруг глагола, одни в конце глагола, другие в начале, третьи между предлогом и темой глагола, четвертые внутри самой темы глагола, которая часто оказывается составной из двух глагольных основ.

Другие союзы и наречия стоят самостоятельно, но при анализе оказывается, что они представляют собой глагол в определенной форме. И в русском ряд союзов и наречий глагольного происхождения, напр., слова «хотя», «почти», и эти русские слова также совершенно утратили глагольное значение. Но многочисленность таких выражений сильно затрудняет анализ абхазской речи, ибо если не все, то громадное большинство союзов и наречий хотя глагольного происхождения, но сами абхазы не чувствуют уже их происхождения, а когда

валицо целый комплекс частич и основ, образующих одно целое, абхаз великолепно понимает целое и может даже безуказненно перевести на другой язык, но при вопросе о частях, входящих в состав комплекса, он совершенно теряется, а когда пытается дать объяснение, дает сбивчивые указания, притом каждый по-своему.

Тем не менее помочь интеллигентных абхазов весьма существенна. На первых порах без этой помощи пришлось бы много потерять времени, и я считаю долгом здесь засвидетельствовать о необычайно предупредительном отношении к работам по абхазскому языку со стороны всех без исключения абхазов, с кем занятия меня сталкивали, не исключая простых крестьян в селах, поражавших меня обходительностью, деликатностью и искренним совершенно бескорыстным старанием всячески содействовать изысканиям, требующим порой большого терпения от объекта исследования.

Надо заметить, что по самой природе абхазской речи абхазский народ настроен, как ни странно может это звучать, очень «грамматически»; он чрезвычайно чуток к малейшему звуковому дефекту или изменению формы, и по этому поводу у абхазов всякого возраста, даже детей, бывают горячие споры, доходящие иногда до серьезных столкновений. Но в этих спорах, а также в вопросах о происхождении слов, в которых рядом с интеллигентом, часто с большим природным филологическим остроумием, охотно принимает участие и простолюдин, один большой дефект: у абхазов полная уверенность, что происхождение всех абхазских слов можно и следует объяснить из абхазских же слов, притом из абхазских слов в том виде, в каком они доступны сейчас нашему наблюдению. Должен оговориться, что так предполагали толковать абхазские слова и наиболее внимательные и авторитетные энтузиасты-исследователи не-абхазы, прежде всего незабвенный по заслугам в изучении нелитературных языков Кавказа барон Услар, а за ним и самородный лингвист Петр Чарая. Оба они пошли дальше и признали в абхазской речи в том виде, как она дошла до нас, первобытный язык, тогда как, совершенно наоборот, абхазский язык лингвистически стоит на одной из самых высоких ступеней развития человеческой речи. Он среди родственных с ним языков занимает ту ступень, какую английский занимает среди европейских. Абхазский язык представляет наиболее изменившуюся, наиболее новый по своему наличному состоянию тип. Абхазы чрезвычайно помогли и продолжают помогать и в созиании лингвистических материалов.

Я не говорю уже здесь о личных работах Н. С. Джанашии, лучшего знатока абхазской этнографии, имеющего крупную заслугу по созианию этнографических материалов, особенно касательно абхазского культа и абхазских религиозных верований.¹

Я остановлюсь на работах Бзыбского комитета общества распространения просвещения среди абхазов. Эта работа, между прочим, и вынудила меня совершил поездку в столь неудобное для мирных занятий время. Еще зимой в 1913 г.,

¹ На русском языке появилась пока работа его «Религиозные верования абхазов» (ХВ, IV, стр. 72—112), имеющая быть продолженной в том же органе.

когда я занимался в Гудауте, абхазская местная молодежь, входившая в состав Бзыбского комитета, выразила желание сотрудничать со мной посильно. Я предложил собирать памятники абхазской устной литературы, в первую голову сказки, и дал некоторые указания. В настоящее время собрано более ста сказок исключительно на бзыбском наречии. В моем распоряжении уже год находились 74 сказки. При работе над этими цennыми текстами стало ясно, что записыватели задались целью, несколько понижаяющей ценность материала для очередных научных изысканий: они старались по возможности свести все свои записи в отношении языка к одному общему типу, отстранив местные особенности говоров или подговоров тех сел, откуда они происходили. Нужно ли прибавлять, что для лингвиста важны именно эти особенности, раз дело идет о воссоздании истории языка. К счастью, природу выгоните в окно, она войдет в дверь, и в доставленных мне записях различных лиц я подметил значительное число закономерных отступлений, явно представлявших вторжение в слаженный текст форм природных говоров записывателей, и надо было столковаться с сотрудниками для дальнейшего направления работ их в русло научных требований.

Распространяться обстоятельнее о дальнейшем ходе совместной работы моих бзыбских сотрудников со мной я не буду. Я думаю также было бы беспечно в статье не специально лингвистического значения сообщать о диалектическом богатстве абхазской речи, о различных наречиях, говорах и подговорах и т. д. К тому же, это и не своевременно.

Прежде всего для этого нужно располагать по другим наличным в пределах этнографической Абхазии наречиям абхазского языка хотя бы таким количеством материала, каким располагаем сейчас по бзыбскому наречию. Удастся ли в районах этих других наречий организовать сотрудничество местных сил по сборанию памятников абхазской народной словесности или нет, покажет будущее. Отстранив сейчас все эти специальные общелингвистические и диалектические стороны, я хотел бы дать представление о более общих научных задачах, связанных с изучением этой живой, весьма богатой лексически речи, обходившейся без письменности до XX столетия.

III

За кавказоведением в частях его, посвященных народам с древней национальной письменной культурой, именно армянам и грузинам, крупный грех. Это — полное равнодушие, если не сказать более, к научной разработке исторических судеб бесписьменных народов Кавказа, коренных его обитателей. Отмеченное равнодушие в кавказоведении присуще в силу одной особенности, представляющей громадное препятствие к дальнейшему успешному его развитию по научным путям: она ставит преграду использованию добытых уже научных положений в разработке культурно-исторических материалов, представляемых Кавказом во всей их совокупности, в том виде, как волею судеб сохранились они на Кавказе, независимо от тех или иных местных националистических освещений. Эта роковая

особенность состоит в том, что кадр специалистов по гуманитарному кавказоведению до сих пор пополняется исключительно представителями местных народов. И это не дает кавказоведению научно развернуться с тем широким размахом, которого оно заслужило не только по богатству и разнообразию материалов, но и по запросам науки к кавказоведению, по высокому значению общечеловеческих и культурно-исторических проблем, ишущих и намечающих в них, в этих кавказских материалах, опоры для своего правильного освещения, а иногда и решений. Представители местных народов по разным причинам, касаться которых сейчас не место и не время, не могут отрешиться и в науке от своих действительных или мнимых жизненных национальных интересов. Кавказская национальная злободневность, законный и вначале невинный источник стимула к кавказоведным занятиям, обращается в направляющий их руль: воспринимая в лучшем случае технически усовершенствованные приемы по специальности и в этой мере укрепляя свои позиции, она неминуемо содействует гашению духа — двигателя научных исканий, свободной критики основ традиционных исторических построений. Это говорится без всякого осуждения. Я лишь утверждаю факт, с которым связана наша научная область и от которой терпит она сейчас и, быть может, зависит ее будущность не на одном Кавказе. На месте националистическое направление устраниет возможность расцвета кавказоведения, являясь камнем преткновения на пути сосредоточения полноты его дисциплин и естественного чисто научного взаимодействия его представителей. Вне Кавказа неизбежным вполне заслуженным уделом научной области, построенной на националистической основе, и впредь будет равнодушие серьезных учевых кругов, невозможность найти для нее место в какой-либо научной востоковедной школе. Указанной особенностью одностороннего состава кадра специалистов по истории и литературам местных народов, одно время имевших создавную ими блестящую культурную жизнь, объясняется то, что в смежных научных областях, в арменоведении и грузиноведении, специалисты до сих пор не имеют или, лучше сказать, не расположены иметь общий научный язык, общее научное мышление. Той же роковой особенностью объясняется и то, что ни одна из этих специальных отраслей кавказоведения, давно получивших возможность развиваться научно и, вовлекая в научную работу использованные материалы, расширять научный кругозор, не выдвинула своевременно ни одного специалиста по изучению громадной части кавказского населения, именно так называемых кавказских горцев. Не только не было проявлено научного интереса к более дальним с бытовой точки зрения народностям, каковы, например, черкесы, чеченцы с ингушами и многочисленные языки Дагестана, но даже к абхазам. Между тем факт, что история абхазов есть начало грузинской Багратидской царской династии и в то же время тесно сплетается в IX и X веках с историей армянских Багратидов, имевших столицу в городе Ани, прекрасно устроенном, по свидетельству византийских греков, ныне подтверждаемому раскопками в этом уже городище в развалинах.

Естественно, что весь этот обширный бесписьменный район кавказского мира, именно без письменности на народных языках, с его богатейшими и разнообразнейшими языковыми и этнографическими материалами был предоставлен силам

немногочисленных любителей и энтузиастов. Это обстояло так даже в исходе XIX века, на пороге нашего столетия, когда научное исключение в лице западных европейцев, сначала англичан и французов, а затем и более всего немцев, задолго еще до начала настоящей мировой войны старалось рядом строго продуманных и богато снаряженных экспедиций оторвать ог наших научных наблюдений естественно к нам тяготеющие и нам более доступные по нашей теоретической подготовке области древневосточного культурного мира, как, например, Ван и его древности, когда немецкие исследователи и путешественники стали постепенно наседать с юга через Турцию на Кавказ, силясь охватить его кольцом своих научных экспедиций, а мы беспечно спали.

Не естественно ли, при таком положении, представителям русской университетской академической пауки спешить вовлечь своевременно в научный обиход втуне лежащие у нас же сокровища и, если нет возможности сделать то, для чего требуются организованные силы научных работников, специалистов, то подготовить условия для выработки таких сил.

IV

Но, независимо от этих внешних поводов, кавказские горцы, и в первую голову абхазы напрашивались на возможно поспешное изучение по причинам внутренним, внутренним с точки зрения истории самой разработки науки о коренных кавказских языках и постепенности нарождавшихся в ней научных запросов и задач.

Эта сторона дела находится в связи с новой теорией о происхождении и классификации кавказских языков, именно с яфетической теорией. Общеизвестно, что из многочисленных языков мира наука успела выделить и сделать объектом усиленной сравнительной и исторической разработки три семьи — ариоевропейскую (индоевропейскую), семитическую и турецкую. Едва ли читатели настоящих страниц нуждаются в перечне состава этих трех семей.

Изучение языков Кавказа установило существование еще одной семьи, дало возможность выделить особую четвертую семью языков, яфетическую, которая не имеет родства ни с ариоевропейской семьей, ни с турецкой семьей, но находится в кровном родстве с семитической семьей языков. Родство это настолько тесно, что основатель этой теории, автор настоящих строк, первоначально и долго еще, почти до 1910 года предполагал, что семитические языки с яфетическими и хамитическими составляют лишь три ветви одной общей семьи языков. Может быть, это так и окажется со временем, но в настоящее время так разросся состав яфетических языков, что приходится их делить на две большие ветви и объединить их в одну самостоятельную семью — яфетическую.

Ветви эти отличаются друг от друга тем, что в одних и тех же по происхождению словах одна из ветвей закономерно обнаруживает звуки свистяще-шипящие или сибилианты в противоположность придыхательным звукам или спирантам другой ветви. Отсюда названия этих двух ветвей яфетической семьи: одна ветвь

названа сибилянтной, т. е. свистяще-шипящей, а другая спирантной, т. е. придыхательной.

От сибилянтной ветви яфетических языков сохранились, ее теперь составляют языки грузинский и мингрельский с лазским или чанским. Утеряны целые группы этой ветви и утеряна цельность сохранившихся двух групп картской, к которой принадлежит грузинский язык, и тубал-кайнской, к которой принадлежит лазский, он же чанский, и мингрельский, в древности иверский язык.

Спирантную ветвь составляют многочисленные горные коренные языки Кавказа, распадающиеся на ряд групп. Начиная с востока — это лезгинские языки со сродными преимущественно в Дагестанской области, куда относятся, помимо наиболее распространенных, именно аварского и казикумукского, до десятка языков андо-дидойской группы. Затем ближайше к ним примыкает не только по местонахождению, но и по сродству чеченская группа с языками нахчайским или собственно чеченским, ингушским и тушинским главным образом на северном склоне Кавказского хребта и прилегающих равнинах в Терской области и, наконец, абхазо-адыгейская группа с абхазским и черкесским, или адыгейским, языками и их наречиями и говорами с многочисленными промежуточными, стоящими между адыгейским и абхазским языками. Некоторых из последних наука наша не досчитывается в пределах нашего государства только потому, что в силу превратностей судьбы говорящие на них, ныне выселенцы с Кавказа, находятся в числе обитателей Турции, так в числе прочих убыхи с родным убыхским языком.

Эти многочисленные языки не порождение условий кавказской жизни и не случайные разрозненные последки, как предполагалось, великих переселений через Кавказ, а вклад постепенного отеснения ветвями (если не всей семьей на Кавказ, с незапамятной и для древней Европы эпохи, народов древнейшего культурного мира на юге, в пределах Ассири-Вавилонии и Месопотамии и прилегающих к ним с севера и запада в Малой Азии странах. Здесь и жили первоначально в непосредственном соседстве с родственными семитическими просвещенными народами и в общении также с родственными хамитическими просвещенными народами яфетические народы, создатели древнейшей в мире культуры, соосновополагатели той именно цивилизации, которую дальнейшие судьбы переработали в нашу европейскую цивилизацию, отодвигая в этапах ее развития постепенно на запад, в Грецию, Рим и в среду новейших народов Европы, тогда и долго еще не сложившихся в культурно-политические образования.

На культурной прародине яфетических народов с момента появления первых ариоевропейских племен просвещение стало падать. Они-то и разобщили семью сродных языков, называемых теперь нами семитическими и яфетическими, отеснив членов ее, чистых или уже тогда еще нечистых мешанных яфетидов и заставив передвинуться главной массой в пределы Кавказа, а некоторых из них выселиться, по всей видимости, далеко на запад, так как есть показатели, что этруски, обладавшие письменностью, были яфетического происхождения: язык их письменности, пока неразгаданный, обнаруживает некоторые черты сродства с яфетическими языками, и если опыты западноевропейских ученых в этом

направлении — норвежца С. Бугге¹ и гениального датчанина В. Томсена,² дешифрировавшего турецкий язык орхонских надписей, не привели к прочным или окончательным результатам, то прежде всего по дефекту метода, по желанию разобрать неизвестное неизвестным, так как кавказские языки, которые они хотели использовать как ключ, им так же мало были известны в научном отношении, как этрусский. И здесь одна из очередных задач кавказоведения — пересмотреть этрусский вопрос на основании яфетического языкоznания, его сравнительной грамматики, и дать окончательный ответ. Насколько пока осмыслены этрусские языковые материалы, ответ намечается положительный.

От яфетических народов в пределах самого очага древнейшей родной их цивилизации, в пределах Ассиро-Вавилонии и прилегающих стран, можно бы было думать, что ничего не осталось, раз не осталось на месте самих яфетидов. Но в надписях на глиняных плитах и на скалах сохранились до наших дней языки вытесненных оттуда яфетических народов, и посейчас с напряжением, при международном научном соревновании, происходит работа над разбором всех этих языков, успехи в понимании которых зависят от успехов в правильном историческом освещении живых яфетических языков, покрывающих поныне Кавказ. Эти надписи, конечно, на мертвых языках, эламском, древнем и новом, а также сумерском. Принадлежность эламского языка к яфетическим ныне вве спора. Вопрос о сумерском представляется пока недостаточно выясненным даже в пределах предположительных определений.³

От яфетических народов на путях их длительного движения на север, от пределов Ассиро-Вавилонии и Месопотамии к Кавказу, можно бы было думать, ничего не сохранилось, но успехи сравнительной грамматики яфетических языков в этой части оказались особенно ярко.

Прежде всего получилась возможность разъяснить язык ванских клинообразных надписей, язык халдский, язык народа или племени халдов, поклонявшегося богу Халду. Надписи эти обнимают эпохи между началом тысячелетия и VII—VI столетием до р. Хр., и постепенное разъяснение на основе яфетического языкоznания с помощью живых кавказских языков материалов многих десятков надписей на скалах, на частях дворцов, храмов и крепостей, на утвари и т. п. не только реальное нас знакомит с действиями халдских властителей Вана и их военными, религиозными и архитектурными предприятиями, но открывает новые перспективы во взаимных отношениях самих живых яфетических языков, языков Кавказа.

¹ Dr. Sophus Bugge, *Etruskisch und Armenisch. Sprachvergleichende Forschungen*, Christiania, 1890. По примеру западноевропейских арmenистов S. Bugge не отличал в языках Армении, к тому же принимавшихся за один, яфетических элементов от ариевроpeйских, и уже от этого смешения у него ряд недоразумений.

² Vilh. Thomsen, *Rewagques sur la langue etrusque* (Extrait du Bulletin de l'Académie Royale des sciences et des lettres de Danemarck, 1899, № 24, стр. 373—398). В свою очередь Томсен брал свои доказательства из многочисленных (яфетических) языков Кавказа, не имея представления ни об истории наиболее разработанных из них, ни об их взаимоотношениях.

³ Последний труд талантливого автора М. Церетели *Sumerian and Georgian; a study in comparative philology* (Journal of the Royal Asiatic Society, 1913, стр. 783—821 и т. д.) мог бы лишь дискредитировать нашу теорию, если бы кто его признал построенным на яфетиологической основе или находящимся в связи с яфтиологическими началами.

Еще более показателен следующий успех, вскрытие яфетических осадков в живой речи населения того края. Надо знать, что в речи населения Армении, которая признана была наукой чисто ариоевропейской, вскрыты органически ей присущие яфетические слои. Выяснилось, что у армян не один язык, распределяющийся лишь по степени древности или не древности на древнелитературный армянский и новый армянский, а органически различных два языка, один гайканский (հայկանի), ныне вымерший, другой — армянский, и в обоих из них вскрылись власты яфетических языков: в одном основной пласт оказался от яфетического языка спирантной ветви, в другом — от яфетического языка сибилянтной ветви. Ни один язык Армении, ни гайканский или հայկանի, ни собственно армянский, не оправдал в полной мере теории западноевропейских ученых: ни один из них не оказался чистым ариоевропейским. И тот, и другой оказались языками так называемого мешаного типа, именно языками ариоевропейско-яфетическими. Таким образом армяне и этнически и по языку половиной своей природы находятся в тесном родстве с яфетическими народами Кавказа.

Но и яфетические языки в наличном виде отнюдь не представляют чистых типов.

Уже установлено, например, что сванский язык представляет тип мешаный между яфетическими ветвями: один слой в нем есть вклад яфетического языка спирантной ветви, но, по всей вероятности, именно того языка месхского, с которым особенно приходится считаться при определении места абхазского языка среди яфетических, а другой слой в сванском есть вклад яфетического языка сибилянтной ветви, именно так называемой тубал-кайской или шипящей группы, т. е. языков мингрельского и лазского.

Далее, в языках северной полосы нынешнего яфетического мира, в городских коренных языках Кавказа, представителях спирантной ветви яфетических языков, замечается, что дело имеем с языками мешаного типа, причем выясняется органическая примесь какого то не яфетического языка, но здесь работа не достаточно еще углублена, а о гадательных положениях сейчас не место говорить. Занятия абхазским языком между прочим имеют целью подготовить основу для более плодотворной работы над этим вопросом. Абхазский язык также представляет мешаный тип, в составе которого рядом с яфетическим органическим слоем, вкладом и спирантной и сибилянтной ветвей, отложился слой не поддающегося пока определению языка, по всем видимостям северного племени.

Я избегаю входить в более обстоятельные разъяснения, предполагая, что при новизне предмета и его специальном характере и сказанное может явиться перегружением сообщения, хотя без этой предпосылки было бы более чем трудно сколько-нибудь наглядно представить смысл исследований, направляемых мною в сторону интересующего нас сейчас вопроса об абхазском языке.

V

Я ограничусь еще лишь одним общим замечанием касательно яфетической семьи языков: ветви, на которые делится она, спирантная и сибилянтная, оказы-

ваются в высшей степени несоразмерными по числовности входящих в состав каждой языков. Сибилиантная ветвь весьма бедна в этом отношении: всего две группы, картская (свистящая) и тубал-кайнская (шипящая), при том у картской группы всего один представитель, именно грузинский, при том ни в грузинском языке, ни в мингрельском нет собственно наречий, лишь одно по существу наречие со многими, но далеко не столь многочисленными говорами и подговорами. Сириантная же ветвь — сейчас еще — представлена тремя обширными группами, в которых насчитывается десяток-другой языков, десятки резко расходящихся наречий, почти языков, и сотня или сотни говоров и подговоров.

И это объясняется не только тем, что сибилиантная ветвь оказалась на юге, на месте более открытом сильным южным инородным, ариоевропейским влияниям, но и по внутренним причинам. Врагом естественной жизни языков является письменная литература. Литература письменная уничтожает народное творчество в языке. Она сглаживает, примиряет все диалектические расхождения живых наречий, говоров и подговоров. Она вовлекает в этот разрушительный процесс не только свои наречия, но и языки родственные и их наречия, приобщая их к искусственноному литературному языку и пуская его формы в обращение среди них, как всем доступные ходовые монеты. Всю эту разрушительную работу произвела грузинская письменность. Это, конечно, свидетельствует об интенсивном ее развитии и большом распространении, но она уничтожила грузинские наречия, она на половину сократила площадь распространения мингрельской речи и свела на сохранившейся ее площади расхождения мингрельских наречий, можно сказать, к нулю, тогда как, например, в Лазистане, оставшемся вне столь же интенсивного влияния грузинской христианской культуры и ее письменного языка, в лазском языке, двойнике мингрельского, на пространстве не более одной трети Мингрелии, мы имеем три резко различающихся наречия и десятки говоров.

Горские коренные языки Кавказа сохранением своего диалектического богатства, множеством языков, наречий и говоров, обязаны тому факту, что ни на одном из них в пределах нынешнего их распространения не возникла и не развивалась длительно литература и ни один из них не навязывался как общий язык, объединяющий все горские ближайше родственные народы. Одно, впрочем, исключение приходится сделать для аварского языка в Дагестане. Родной язык Шамиля — *lingua franca* для многих племен Дагестанской области, имеющих каждое свой родной язык, но общающихся друг с другом на аварском. Но и это чрезвычайно любопытное, в горских языках исключительное явление можно объяснить не новой жизнью аварского языка, а как наследие от весьма древней эпохи. Дело в том, что работа над аварским языком начинает выдвигать вопрос о необходимости отожествить его с языком кавказского народа, который жил еще до X века самостоятельной церковной жизнью, а в V—VI веках отстаивал христианскую веру, борясь бок-о-бок с армянским и грузинским народами за крест против персидского государства и его национальной тогда зороастрской религии. Народ этот были албаны, страна их называлась Албанией. На албанском языке существовала литература, и если оправдается дальнейшими изысканиями, что в аварцах мы имеем потомков албанов, то станет вполне понятным замеча-

тельная литературная выработанность живой аварской речи, ее естественное господство и преобладание над языками, не проходившими литературного искусства.

Албанский вопрос в свою очередь сам по себе представляет громадный интерес уже не для юга, а для севера Кавказа. С ним связан неразрывно вопрос об аланах. Аланы это уже история не только Кавказа, но и юга России. В них заинтересованы представители различных областей отечественной истории. Но и этот капитальный вопрос не может быть правильно освещен без разъяснения родственных связей кавказских горцев на основе изучения прежде всего их языков и родства последних. И в этом вопросе, как и во всех мимоходом затронутых в настоящем изложении, абхазские материалы имеют сказать свое слово.

VI

Основы яфетического языкоznания, возможность выдвинуть все эти вопросы, частью осветить, а частью лишь наметить то или иное их решение, были заложены учением о родстве яфетических языков с семитическими. Основные положения этого учения, зревшего десятки лет, мною были обнародованы в 1908 году.

С первого же момента по появлении работы с этими положениями, озаглавленной «Основные таблицы к Грамматике грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими», стало для меня ясно, что временно надо бросить дальнейшую разработку части об яфетическо-семитических соотношениях. Надо было направить все усилия на расширение и углубление изучения самих яфетических языков. В первую очередь были намечены яфетические языки, ближайшие родственные с грузинским, тогда поневоле занимавшем центральное место.¹ Первая лингвистическая кампания была проведена лично мною в Лазистане, в ныне уже занятых нами Хопэ, Архаве, Видэ и Атине и их окрестных селах: результаты ее составили вторую книгу Материалов по яфетическому языкоznанию, серии, издаваемой Императорской Академией Наук.² В Мингрелию, языком которой значительно больше изучен, была возможность направить молодого грузиноведа И. А. Кипшидзе, ныне приват-доцента Петроградского университета, сделавшего крупный вклад в яфетическое языкоznание своим капитальным трудом о мингрельском языке.³ С 1911 г. были предприняты лингвистические мои поездки в Сванию, давшие в результате дальнейшую разработку первоначальной схемы яфетической теории, прежде всего родословной

¹ В дальнейшем кратком обзоре яфетических работ замалчивается новое освещение истории грузинского языка, по данным яфетического языкоznания.

² Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем, СПб., 1910; см. также И. Кипшидзе, Дополнительные сведения о чанском языке (Из лингвистической экскурсии в Русский Лазистан), СПб., 1911 (МЯЛ, III).

³ Появился лишь в 1914 г. в той же серии (VII): Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем; см. рецензию Н. Я. Марра в Записках Вост. отделения Имп. Русского Арх. Об-ва (XXIII, 1915, стр. 203—216). Интерес для характеристики степени разработки этого языка в Западной Европе представляет рецензия И. А. Кипшидзе в тех же Записках (т. XXII, стр. 239—246) на Th. Kluge, Beiträge zur Mingrelischen Grammatik (Мемпоп, Zeitschrift für die Kunst- und Kulturgeschichte des alten Orients, 1913, т. VII, тетр. 1/2, стр. 46—63).

таблицы языков, и указавшие на необходимость расширить ее основы привлечением в изучение более дальних по родству языков.¹ В первую очередь был намечен абхазский язык, в котором были усмотрены особые точки соприкосновения с сванским языком. Отчасти вовлечению меня в занятия абхазским поспособствовало редактирование в академическом издании работы Петра Чараи о родстве абхазского с грузинским.² Пользуясь наличным в печати абхазским материалом, я дал свое определение абхазского языка в освещении яфетической теории. Работа появилась в той же академической серии.³ Нужны были непосредственные наблюдения над живой абхазской речью, но археологические работы и поездки в Сванцию летом не оставляли свободного времени. Летом 1912 года я попытался переездом верхом из Свании в Абхазию ускорить наблюдения над абхазской речью. Переезд отнял массу времени, и я имел возможность использовать как объект для исследования лишь одного случайно встретившегося по дороге пастуха из селения Джегерда. Тогда я решил посвящать лингвистическим поездкам в Абхазию рождественские вакации. Уже первый приезд, направленный мною в сел. Джегерд, дал ряд ответов по многим из затронутых вопросов, и число ответов стало расти.⁴ Стали нарастать и новые вопросы, потребовавшие лингвистических кампаний к тушинам, к чеченцам с ингушами и племенам Дагестана. В ожидании появления более обстоятельного грамматического труда помощника попечителя Л. Г. Лопатинского об адыгейском языке, Академией Наук было постановлено командировать автора, именно Л. Г. Лопатинского, в Турцию для собирания материалов по убыхскому языку, занимающему по своей природе место промежуточное между абхазским и адыгейским. По разным обстоятельствам исполнить это поручение пришлось д-ру Дирру, известному своим материальными по бесписьменным языкам восточного Кавказа. Лично мне абхазский язык дал особенно сильный толчок для приступа к работам по восточнокавказским горским языкам. Для меня стало ясно, что все направление и грузиноведения и арменоведения, в частности мое, было в корне неправильно по крайней мере в лингвистической части, ибо ни одна общая проблема, возникавшая в той или иной из названных специальностей, не могла быть правильно поставлена и тем менее решена без общекавказских перспектив, в частности без соответственно глубокого изучения всех горских коренных языков и пересмотра вопроса о них с точки зрения яфетической теории и на основании новых наблюдений и проверки старых записей на местах лицами, прошедшими яфетиологическую школу.⁵

¹ Пока в печати заметки мои: Из поездок в Сванию (летом 1911 и 1912 г.) (ХВ, т. II, стр. 1—36); Где сохранилось сванское склонение? (ИАН, 1911, стр. 1199—1206); Фрако-армянский *Sabadios-asvat* и сваанское божество охоты (п. ж., 1912, стр. 827—830); Тубал-кайнский вклад в сванском (п. ж., 1912, стр. 1093—1098); Заемствование числительных в яфетических языках (п. ж., 1913, стр. 789—790).

² Об отношении абхазского языка к яфетическим (МЯЯ, IV, 1912).

³ МЯЯ, V (1912)—К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических; см. также Яфетическое происхождение абхазских терминов родства (ИАН, 1912, стр. 423—432).

⁴ В печати пока заметки мои: История термина *абхаз* (ИАН, 1912, стр. 697—706), О религиозных верованиях абхазов (К вопросу об яфетическом культе и мифологии) в ХВ., 1915, стр. 113—140.

⁵ Пройденные яфетиологией этапы развития не могли не отозваться на существующей формулировке родства яфетических языков с семитическими. Намечаются факты, требующие пересмотра

VII

В отношении грузинского выяснилось, что он чрезвычайно слабо повлиял на абхазский в христианские исторические эпохи; влияние выражается главным образом в заимствованных словах, но есть и обратные заимствования из абхазского в грузинский, иногда весьма поучительные. Так, например, грузинское слово *აფრი* *парус* представляет заимствование из абхазского. Это уже имеет не только словарное, но реальное культурно-историческое значение: выходит, что абхазы, как мореходы, передавали соседям свои морские термины. И хотя современный быт абхазов не согласуется с таким утверждением, но абхазская речь и абхазские предания полны воспоминаний интимного общения абхазов с морем. В сравнительно недавнем прошлом, именно в XVIII веке, абхазы, ныне оттиснутые от берегов моря в глубь края, продолжали пользоваться славой древних эндохов, опасных для ближайших соседей и вообще для путешественников. Грузинский географ Вахушт пишет:¹ абхазы «по морям ходят на судах *olet-kandar*», в которые они садятся по сту, по двести и по триста человек, и нападают² в пути на суда османлисов и лазов-чанов и чаще всего у побережья Одиши (Мингрелии) и Гурии. В боях (на суше) абхазы слабы и быстро уступают, но на море — стойки и могущественны».³ Как, однако, вымирают и в абхазской среде переживание древнего быта, интересно наблюсти на судьбе следующей характерной абхазской пословицы:

zàp̄q'a ðòw uàp̄q'a k̄é
«В чьей лодке сидишь, того песню пой».

Эта пословица была записана мною в январе 1914 года в селении Калдахваре со слов старика 70-ти лет. Ее знают, вероятно, многие абхазы, значительно более молодые. Тем не менее, интересно отметить следующий факт: в январе текущего года один из моих молодых сотрудников в Гудауте, 22-х лет, устно передавший эту пословицу, откровенно заявил, что он не знает значения слова

этого основного вопроса внесением в его освещение нового момента, изучения роли скрещения и значения мешанных типов. Как раньше было и с яфетическими языками, наука в семитических языках считается лишь с так наз. «основными» или «коренными» пластами, т. е. предпочитает иметь дело с отвлеченностями и идеальными их соотношениями, тогда как яфетиология ставит вопрос о необходимости разграничения классификацию идеальных соотношений «основных» пластов (и их прототипов) от классификации реальных языков в наличном их виде в целостности каждого из них, в совокупности присущих ему действительных пластов и наслойений.

¹ Description de la Géorgie... publiée d'après l'original autographe par M. Brosset, S. Pétersbourg, 1842, стр. 408.

² Daufdebiel буквально «встречают (в пути)» или «устраивают засаду», а не mouqdebiel, что можно было бы перевести одним глаголом «нападают», как то сделал в своем переводе Brosset (*attaquent*).

³ Следует отметить, что термин, употребленный Вахуштом, для обозначения абхазской военной лодки, не абхазское, а мингрельское по своему типу слово, хотя мингрэлы также не сохранили его. В термине можем иметь сложное слово *ole-tkandar*, в котором первая часть в таком случае должна быть понята в значении предлога *через*, *поперек*, а *tkandar* — прич. *кованный* (м. *tkndu-a* *ко-вать*), следовательно, полностью — *окованный* (ср. г. *garda-ted-ili*). Толкование *ole-* в указанном значении предлагает И. А. Кипшидзе в связи с м. *ole-ket-i* *засов*. Грузинский лексикограф С. Орбелiani приводит две формы того же термина — *ola-tkander-i* (с. *v.*) и *ole-tkandur-i* (с. *v.* *паv-i*), но ни одна из них по существу не приносит ничего нового. Данное толкование, однако, требует еще поддержки, особенно в отношении первой части (*ole-* || *ola-*).

àшқа лодка, а присутствовавший тут же другой сотрудник мой, сверстник его, не только не знал значения слова àшқа, но и самого слова, кстати, имеющегося и в абхазском переводе Евангелия, не слыхал, но пословицу знает, однако, в ином варианте, именно zàшdaw ѕòw zàшqа Ьđ «на чьем дворе находишься, того песню пой». Так гибнет на наших глазах живая старина.

VIII.

Впрочем, абхазско-грузинские отношения представляют большой интерес для более поздней эпохи, именно с IX—X веков и позднее. С ними связаны и вопросы по христианской археологии Абхазии. Но для реально-народных отношений имеются весьма интересные группы вопросов, так между прочим вопрос о сказаниях, связанных с древним яфетическим культом. Одна из таких легенд из яфетического мира докатилась до Греции, где она претворена в сказание о Прометее. В родной среде та же легенда выработалась в сказание в Армении о Mäher'e, в Грузии об Амиране, в Абхазии об Abərskil'e. Какому бы яфетическому племени ни принадлежала честь создания этого сказания, та редакция, в которой оно распространено в Грузии и Армении, несомненно прошла через абхазскую среду. Я сейчас не имею возможности остановиться на сопоставлениях имен абхазского Abərskil, грузинского Amiran и армянского Mäher; это требует чересчур специальных разъяснений. Кроме того, сам сюжет сказания значительно видоизменен в Грузии под навоенным влиянием героической повести персидского происхождения «Амиран-Дареджаниани», в Армении — осложнением его чертам из христианских легенд, тогда как это на самом деле есть одно из древнейших яфетических сказаний о боге солнце, превратившемся в героя. Само имя Амиран, собственно A-тэга или A-тэг, представляет абхазское название солнца à-тэга или à-тэг, как последнее писывается в сложных абхазских словах. Из абхазских языковых материалов наметилась возможность осветить ряд подробностей в мифе, впоследствии сказании о солнце-герое.

Этот солнце-герой, изобретатель огня священного или, по греческой версии, его похититель с неба, тесно связан своей судьбой с кузнеци, в частности с абхазским культом кузни. Он вместе с двойником своим героем-ковачом, в абхазских народных сказаниях отделившимся и лучше сохранившимся, дают ученыму то прикосновение к земле, от которого великан Атлант, по греческим сказаниям, своими плечами мог поддерживать небо: с абхазскими материалами о двойниках Амирана-Мынера, о культе кузни и металлургии и связанной с ними магии с кудесниками-жрецами при массе переживаний-терминов в самой живой абхазской речи ученый получает, наконец, прочную почву не только для поддержания, но в значительной степени для созания теоретического построения с широким горизонтом и глубоко уходящими в незапамятную седую древность перспективами как о самом любопытнейшем сказании, так о культурном мире, в котором оно впервые возникло и развилось.

IX

О значении абхазского языка для выяснения яфетических народов в языках Армении кое-что уже напечатано. Каждая поездка приращает этот материал. Укажу мимоходом, что до привлечения к делу абхазского языка оставалось необъясненным в гайканском языке (ныне мертвом), древнелитературном, образование мн. числа на звуки *q* и *ɸ*, слова-термины земледельческого быта, подробностей устройства дома и т. п. Эта общность с целым рядом других объясняется тем, что армяне усвоили сказанные формы грамматической категории и некоторые термины культурной земледельческой жизни или из абхазской речи, значит, от абхазов, или вместе с абхазами взяли от аборигенов Армении, также яфетидов, слившихся впоследствии с ариоевропейскими племенами и образовавших с ними армянский народ. В первом случае мы могли бы заключить, что в абхазах, именно в их коренном яфетическом слое мы имеем отприск народа, жившего в приараратской стране, где впоследствии народились ариизованные армяне. Но и во втором случае приходится признать, что некогда абхазы жили в близком соседстве со страной, где впоследствии, по появлении ариоевропейцев, сложился армянский народ. И в том, и в другом случае приходится сделать вывод, что абхазы-яфетиды первоначально жили на юге в пределах архаичного культурного мира близ его центра, если не в его центре.

Это теперь многими данными устанавливается: более или менее прослеживается путь, каким с такого далекого юга передвигались эти яфетиды, выне и с IV века по р. Х. известные под названием *abasg'ov* или в позднейшей грузинской его форме — абхазов, уже на этом приморском побережье, где они занимали значительно более обширный район, лоходя на севере, по всем видимостям, до Анапы.¹

Правда, передвижение их не представляло сегарантного одинокого явления: оно совершилось в системе общего великого передвижения многочисленных яфетических народов и племен, начавшегося за много сотен лет до р. Х. с великого распада яфетическо-семитического культурного мира, когда стали появляться в Передней Азии ариоевропейцы. Абхазы могли быть захвачены этим великим переселением в числе прочих ближайше родственных с вими вародов и племен, не только адыгейско-черкесских, но и нахча-чеченских и аварских и примыкающих к ним дагестанских, однако и в одних абхазах, сейчас нас интересующих, имеем основание, как в драгоценном обломке пелого, до нас не дошедшего, видеть часть древнего персиднеазиатского культурного мира и, следовательно, редкий живой источник для освещения известных культурно-исторических вопросов далекой Ассиро-Вавилонии и непосредственно прилегающих стран — вопросов, связанных с ролью не семитических и не ариоевропейских народов в их жизни. И потому вполне естественно, что абхазский язык начинает

¹ См. заметку мою: О происхождении имени Анапа, привесок к работе Н. И. Веселовского (Зап. разр. военной археологии и археографии Имп. Русск. Военно-Исторического Общества, СПб., 1914).

оказывать помощь в разборе до сих пор не понимавшихся клинописных памятников этого мира не только Армения, но и Мидии и Элама.

Значение абхазского языка для определения и правильного толкования новоэламского языка посильно раскрыто уже в работе моей «Определение языка 2-й категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкоznания».¹ Еще при издании названной работы в моем распоряжении было значительно больше фактов в пользу значения абхазского языка в этом вопросе, чем мог я внести в уже печатавшуюся статью. С тех пор каждая поездка приращает факты того же значения. Здесь не только местоимения и числительные, но и глагольные основы и особенно формы стали ясны и были поняты в освещении абхазских материалов.

Сейчас ведется работа над древнеэламским языком в памятниках, древнейший из которых относят к пятому тысячелетию до р. Х. И помощь абхазского языка тем более усиливается, чем более удается установить его сравнительноисторическую грамматику. Не меньшая, если не большая помощь оказывается абхазским языком в определении халдского языка клинообразных надписей ванских царей — надписей, рассеянных не только по Вану и его окрестностям, но и по Макинскому ханству Персии, по Эриванской губернии вплоть до Гокчайского озера на северо-востоке и Чалдырского озера на северо-западе, уже в Карской губернии.

В этой научной области абхазский язык дает живой материал не только для установления значения глаголов и имен, как, например, *агунт он принес* при абхазском *агага приносить*, *агунт он привел или заставил прйти*, при абхазском *аггà ходить*, *ба дворец или крепость* при абхазском *а-бáа дворец*, вообще значительная каменная постройка и т. п.

Абхазский язык дает переживания религиозных терминов халдского народа, поклонника бога Халда. Этот бог *qald*, как теперь выяснено, представляет разновидность религиозного термина *qat*, сохранившего до сих пор значение боженьки, святыни у грузин-горцев, например хевсурсов, тогда как в обще-грузинской речи под влиянием христианского литературного языка термин *qat*-1 получил значение «иконы».² В абхазском, конечно, по законам абхазской фонетики, от этого термина сохранена лишь начальная часть *qa-*, но зато она появляется в том сочетании, в каком это божество появляется в халдских клинописных памятниках с звуковым чтением идеограммы *ap*, означающей «бога». Сам термин *ap* бог налицо в форме мн. числа в абхазском слове *ap̥a* *бог*, в котором *̥a* — окончание мн. числа, а начальное «*a*» — абхазский определительный член сравнительно нового происхождения. Следовательно, основа слова по-абхазски представляет *n*, и, как наиские цари за 1000 и более лет до р. Х. обращались с молением к национальному богу своего народа Халду, изображая его в клинописи терминами *ap qald* («бог Халд»), так ныне еще истый абхаз обращается к своей наиболее чтимой святыне, именуя ее тем же сложным термином *пэ-qa* *бог Ха*, т. е. бог Халд, получивший в новейшее время под влиянием

¹ Зап. Вост. Отделения Имп. Русск. Арх. Об-ва, т. XXII, СПб., 1914.

² Н. Марр, О религиозных верованиях абхазов, стр. 125 сл.

христианских представлений значение иконы, как и грузин его более полная форма *qat-1*.

Конечно, здесь пока речи не может быть о том, будто доказано, что абхазы остатки или халдов, или эламов. Достаточно пока того, что оказались бесспорные факты сродства, и налаживается работа истолкования памятников древнейшей и древней культуры человечества с помощью в строго определенных случаях абхазского языка.

X

Чтобы эти факты из абхазской речи, при том не первые попавшиеся под руку, не случайные, а исторически освещенные и проверенные, возросли, надо много поработать. Абхазский язык должен быть изучен по всем трем наречиям: самурзаканскому, абжуйскому и бзыбскому и по их говорам и подговорам. Должны быть использованы в работе и говоры абхазов, выходцев в Турцию. Но этого мало. Должно быть выделено из нее, из абхазской речи, все, что наносно в ней хотя и с незапамятных времен. Лингвистическая палеонтология в кавказских языках дает возможность вскрывать поразительную историю взаимоотношений, в корень подрывающую националистические или традиционные построения истории народов Кавказа в более древние и древнейшие эпохи. Лингвистическая палеонтология постепенно дает средства докапываться в абхазской речи до ее первичных слоев. Но этого мало. Предстоит еще более трудная, еще более сложная работа — путем сравнения подлинного первичного пласта абхазской речи с более близкими по родству языками, именно с другими коренными горскими языками Кавказа, с одной стороны, выяснить историю и этого слоя абхазского языка, а с другой, — доискаться до первичных общих форм всех горских языков. Само собой понятно, что вся эта работа должна быть построена на данных сравнительноисторической грамматики горских языков, от отсутствия которой сильно страдает общая сравнительная грамматика яфетических языков. Трудность этой работы не в многочисленности языков и наречий (одних языков Дагестана несколько десятков): наоборот, в этом именно надежное ручательство правильности и прочности примиряющих все факты и их освещдающих конечных выводов, которые лягут и уже ложатся в основу всего построения. Трудность состоит в том, что если черкесы или адигеи еще сохранили с абхазами в речи более близкое сравнительно сродство, оба они, с одной стороны, и горские языки восточного Кавказа, с другой, значительно разошлись. Лингвистически сейчас уже устанавливается, что названные народы и племена занимали непрерывно всю горную полосу от Черного моря до Каспийского, распространяясь на юг и север от хребта. Не только карачайцы-турки и осетины или ироны-арийцы, но и грузины-яфетиды в этой полосе новые сравнительно с горцами обитатели. Позднейшие победители ироны, карачайцы, грузины занимали именно главные проходы хребта и прилегающие к ним районы, и тем, сделав брешь в непрерывной ближайшей цепи родственных племен, разобщили абхазо-черкесскую группу от чеченских и лезгинских народов и племен. Правда, в самом

разобщающем лингвистически средостении, в самом, например, сванском нар^{яде} и горском ныне грузинском племени хевсуро^в сохранились следы культа, общего с культом разлученных ими восточных и западных кавказских горцев, в частности с культом абхазов, но сейчас в вопросе об языке нам приходится считаться с тем фактом, что обе разобщенные половины, западная и восточная, горцев Кавказа подверглись чужеродным влияниям, каждая особыи. Эти сторонние влияния где уже определились, их надо только выделить, но где и не поддаются определению. Очень сложная и ответственная работа. Но есть путь, есть метод; следовательно, достижения обеспечены. Надо бесстрашно идти вперед по пути. Как не раз приходилось мне утверждать, кавказоведению открыты перспективы колоссальных культурно-исторических работ. Многоязычность Кавказа, имена то, что для жизни было, быть может, одним из главных тормозов развития общекавказской культуры и его закрепления и устойчивости, без срыва возврата к одичанию, теперь призвано послужить опорой для научного рычага, имеющего поднять непосильное иначе и наиболее утонченной и наиболее искушенной европейской научной мысли бремя разрешения неразрешимых, казалось, проблем по мировой истории древнейшего культурного человечества.